

О НЕОБХОДИМОСТИ И ПОЛЬЗЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ИСТОРИИ НАУКИ О КНИГЕ: ОПЫТ НАУКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

KRZYSZTOF MIGOŃ

Uniwersytet Wrocławski
Instytut Informatyki i Bibliotekoznawstwa
Pl. Uniwersytecki 9/13, 50-137 Wrocław, Polska
E-mail: krzysztof.migon@ibi.uni.wroc.pl

Одной из задач истории науки является раскрытие истории зарождения и становления отдельных научных дисциплин. Главные вопросы общей истории науки касаются также истории отдельных её дисциплин, в том числе книговедения. Как писать историю конкретной науки, чтобы удалось представить основы её зарождения, важнейшие этапы развития, становление центральных исследовательских категорий, специфику трактовки предмета исследований, вклада в совокупность достижений науки? В статье на основе опыта стран Центральной и Восточной Европы рассматриваются основные проблемы исследования истории библиологии и формулируются дальнейшие задачи. Делается вывод, что возникла особая отрасль книговедческих исследований – история книговедения. В ходе развития науки о книге как автономной, «университетской» науки, в постоянном её созревании появился новый, обоснованный и необходимый элемент, который логически дополняет всю структуру современной науки о книге (библиологии).

Ключевые слова: науковедение, науковедческий анализ, книговедение, история книговедения.

История науки (history of science, histoire de la science, Wissenschaftsgeschichte) является сегодня одной из важнейших гуманитарных исторических наук. Взгляды на её содержание, характер, фундаментальные исследовательские категории (парадигмы) и место среди других наук разнообразны. В мировой литературе преобладает тенденция определения истории науки как

обобщающей дисциплины, предмет которой – развитие научных знаний в рамках интеллектуальной эволюции общества – с древнейших времён до наших дней. Таким образом, история науки является частью истории культуры и человеческой цивилизации, но в системе современных наук она достигла относительной самостоятельности благодаря созданию своего понятийно-

го аппарата, собственным программам исследований, обширной литературе на многих языках. Обоснован также взгляд на историю науки как часть общей науки о науке – науковедения [52].

Несомненно, историко-фактографический материал, который показывает развитие научной мысли, необыкновенно важен для понимания сути науки, её существования и значения в прошлом и сегодня. Результаты исследований по истории науки имеют не только чисто познавательный характер; обогащая объём наших знаний, они позволяют применять обнаруженные факты и закономерности в современных исследованиях и на практике.

Одной из задач истории науки является также раскрытие истории зарождения и становления отдельных научных дисциплин, хотя – надо чётко подчеркнуть – общей историей науки нельзя считать арифметическую совокупность историй ряда наук. Историей отдельных наук чаще занимаются не профессиональные науковеды-историки, а специалисты по частным дисциплинам, для которых знание о исторических судьбах их специальностей имеет разнообразные значения.

Главные вопросы общей истории науки касаются также истории отдельных её дисциплин, в том числе книговедения. Хотя развитие каждой научной дисциплины имеет свои особенности, и опыт учёных, изучающих её историю, порою несопоставим с результатами исследований в других дисциплинах, однако фундаментальные проблемы историографии отдельных наук

схожи друг с другом, нередко даже идентичны. Задачу теории историографии данной научной дисциплины можно свести к вопросу: как писать историю конкретной науки, чтобы удалось представить основы её зарождения, важнейшие этапы развития, становление центральных исследовательских категорий (главным образом на уровне её теории и методологии), специфику трактовки предмета исследований, вклада в совокупность достижений науки [22].

Однозначного ответа на заданные выше вопросы быть не может. Итак, попытаемся очертить пределы необходимых действий и способ подхода к задаче.

Добавлю, что 33 года тому назад автор этих строк издал книгу, посвященную истории науки о книге [18; 36]. Тогда, видимо, я знал заранее, как это делать; позже, в ходе накопления собственных знаний, после многих публикаций и выступлений, на основе опыта университетского преподавания возникли сомнения, множились противоречия, затемнялась первоначальная картина истории книговедения. Наступило время снова браться за вопрос, сейчас уже в теоретическом плане. Можно сказать: лучше поздно, чем никогда.

Сначала надо ответить на первый, основной вопрос, касающийся метода (способа) представления каждой научной дисциплины, в том числе её истории. Иначе говоря: какие признаки и черты науки особенно важны для (как можно) полной её характеристики, или – по-другому – что нам надо исследовать в истории науки о книге.

Если у нас есть желание – так как в данном случае – заниматься не только (и не столько) современностью, современным состоянием книговедения, но охарактеризовать его зарождение и развитие, его историю, и – до этого – извлечь из этих исследований научную пользу для текущей научной работы в рамках книговедения, надо чётко определить необходимые для такой характеристики черты науки (иногда их называют составными элементами, факторами, параметрами). Их совокупность, установленная на основе источников и литературы по специальности, даст – при условии скрупулёзного анализа и интерпретации – представление о начале, эволюции, существовании данной науки, её объёме (содержании) и значении.

Глядя на данную научную дисциплину как на определённое целое и одновременно как на относительно автономную часть мира науки, и замышляя исследовать и описывать её историю, я впервые предлагаю принять во внимание следующие элементы и проблемы в их исторической эволюции:

- Условия и предпосылки зарождения и создания данной науки (в связи с ростом и эволюцией явлений, которые составляют объект[-ы] исследований).
- Становление научной терминологии, семантика терминов, в том числе меняющееся само название данной науки. Надо обратить внимание на необходимость учёта иноязычных терминов и их значений, не совпадающих друг с другом.

- Кристаллизация и эволюция предмета и задач научной дисциплины, её состава, внутренней структуры; интеграция и дифференциация знаний, новые специальности, их автономизация (в рамках данной науки или вне её).
- Развитие общей теории и методологии данной науки в целом, а также её составных частей.
- Понятийный аппарат, источники знаний, методы научной работы.
- Парадигмы исследований, центральные категории.
- Основоположники (классики) дисциплины и их влиятельные труды.
- Научные школы в рамках данной дисциплины (международные, национальные, местные, проблемные).
- Периодизация (фазы развития) исследуемой науки.
- Место среди других наук, также в классификациях наук и письменности (в теории и практике – библиотечной и библиографической).
- Ресурсы знаний, фактографический материал обнаруженный данной наукой, и его доступность.
- Система и типология письменности в рамках данной науки.
- Институционализация и организация исследований и обучения, научные общества [22].

Попробуем в дальнейшем сопоставить эти общие, основные для характеристики всех отдельных наук, положения с исследовательской ситуацией в историографии книговедения.

Необходимо задаться и другими важными вопросами: если задачи историографии книговедения как науки так обширны и многообразны, не хочет ли автор данной статьи сказать, что ничего до сих пор не сделано, что всё только впереди, что – может быть – он первый это видит? Безусловно, нет! Состояние историографии книговедения, особенно в некоторых странах, я оцениваю положительно. Надо сказать, что оно неплохое (как в сравнении с другими науками, так и с учетом сложных научных и политических судеб книговедения, а также при наличии небольшого кадрового потенциала).

История книговедения освещается в научной литературе не только мимоходом, при случае; она существует уже как сознательная рефлексия в исследовательских трудах книговедов, которые заинтересованы в истории науки, занимающейся феноменом книги. Так, в исторических науках или в историографии литературы история собственной науки стала её интегральной частью. Бесспорно, что историки литературы (вполне понятно – не все) не ограничивают своих научных интересов изучением литературных произведений, они также исследуют прежние достижения своих предшественников. Таким же образом и история науки о книге является неотъемлемой частью исследовательских задач общего книговедения; это чрезвычайно важно для самосознания дисциплины и её дальнейших судеб.

Как правило, историографические обзоры охватывающие историю науки о кни-

ге, предвосхищают работы теоретического и методологического характера, учебную литературу, нередко также практические пособия по разным вопросам книжного дела. История книговедения нашла в разных странах своё место не только в научных профессиональных изданиях, но также и в общей справочной литературе (энциклопедии в России [53], Беларуси [34; 35], Германии [2;3] и др.).

Первым в мировой литературе автором, который сознательно, ясно и чётко изложил свое представление об истории книговедения как важной области исследований, описал развитие общей теории книговедения и предложил условия её дальнейшей разработки, был Александр Фомин со своим известным трудом *Книговедение как наука. История и современное состояние* (1931) [55]. В последнем издании этого труда авторы комментария (А.А. Беловицкая и С.П. Омилянчук) пишут: „«Книговедение как наука» [...] – первый историографический обзор важнейших работ по общеметодологическим проблемам книговедения, чем и определяется его историко-книговедческая ценность.” [56, 177] М.Д. Эльзон же в вступительном очерке *Литературное наследие А.Г. Фомина* замечает: «Обзорно-теоретическая работа А.Г. Фомина и поныне сохраняет свое значение не только как очерк развития книговедческой теории, но и как хрестоматия книговедения. [...] Не нигилистическое пренебрежение к заслугам предшественников, а тщательное изучение созданного ими, дальнейшее развитие позитивных и критика негатив-

ных элементов их концепций [...]» [56, 8]. Александр Фомин на основе исторического опыта книговедения дал оценку его концептуальных основ и начертил условия дальнейшего развития. Разумеется, некоторый конкретный фактографический материал, касающийся исторического развития книговедения, мы находим ещё раньше в публикациях библиографов, библиотекарей, историков, историков литературы, но впервые он собран Фоминым целенаправленно: для представления истории книговедения как науки.

Из-за разных причин и научного, и вненаучного характера (главным образом – политического и идеологического), наследие создателей науки о книге по предложениям Фомина многие годы почти вообще не изучалось. Только возрождение и признание книговедения как самостоятельной науки гуманитарного цикла с середины XX века позволило обратить внимание на необходимость исследования трудов наших предшественников. Это ярко видно в Польше и СССР, а также в тогдашних немецких государствах (ФРГ, ГДР), во Франции, позже и в других странах мира (Италия, Испания, США) [2; 3; 5; 11; 12; 14; 15; 18; 26; 27].

Стоит напомнить, что необходимость изучения истории науки о книге – доказательно обосновал Владимир Безъязычный. В дискуссии по актуальным проблемам книговедения, состоявшейся 17-18 декабря 1964 года в Московском Полиграфическом институте, он сказал: «Необходимость внимательного и бережного, но вместе с

тем критического освоения этого наследия должно рассматривать в числе первоочередных задач современного советского книговедения. [...] Вряд ли кто может возразить, что для успешного развития книговедения в наше время необходимо изучение того, что досталось нам в наследство». Затем предложил «также изучение наиболее значительных явлений науки о книге зарубежных стран». [51, 276–277] Эти предложения, как видно сейчас с полувековой перспективы, касаются не только российского (советского) книговедения; они имеют ценность основных положений для истории книговедения вообще.

За последнее полстолетия сделано в этом направлении уже немало. Везде, где существует наука о книге как фактически и/или официально признанная научная дисциплина, изучается её история. Также и в тех областях, в которых книговедческие вопросы представлены в рамках других «библионаук» (библиознаний, таких как библиография, библиотековедение, библиофиловедение, искусство книги, читателеведение, и остальных гуманитарных, общественных и коммуникационных наук, мы находим элементы истории книговедения.

Сегодня всеобщая история книговедения как наука обогатилась многими исследованиями и публикациями, которые представляют разные аспекты становления и развития науки о книге. Они разнообразны по содержанию, методам, объёму, написаны на основе дифференцированных источников, имеют разные замыслы, отвечают на разные вопросы.

Некоторые закономерности в этом богатстве и многообразии достаточно хорошо видны и дают уже право на общения. В первую очередь, обращают на себя внимание отдельные, порою великие личности, считаемые основоположниками, создателями, нередко классиками книговедения. Признание этих последних зависит от степени их влияния на дальнейшее развитие дисциплины, от ценностей, которые следующие поколения исследователей – задавая новые вопросы – находят в их трудах. Тогда опыт прошлого становится актуальным и применяется заново в современных исследованиях.

«Первая лига» мирового книговедения (и в рамках отдельных стран – отечественного) довольно хорошо изучена и известна. «Классикам» посвящена обширная литература, изданы и переизданы их труды; на них постоянно ссылаются современные исследователи. (Другое дело, что мы чаще ссылаемся на них, чем читаем их тексты!)

Ответ на вопрос, кто принадлежит к этой «первой лиге» - непростой, носит отчасти субъективный характер, в нем наличествуют и элементы случайности. Хотя, если судить по влиятельности отдельных учёных, мы находимся в значительно лучшем положении, чем создатели канонов литературных или музыкальных сочинений. Приведем один интересный пример: на плакате международного книговедческого совещания (8e colloque international de bibliologie) [6] в Париже в 1989 году представлена книжная полка

с трудами классиков библиологии; мы видим там энциклопедию Г. Пеньо [24], библиопсихологию Н. Рубакина и трактат о документации П. Отле [23]. Неплохой подбор, хотя и дискуссионный. В национальных, государственных и языковых рамках мы также создаем каноны классиков (см. например о польских [9], русских и франкоязычных книговедах [4]).

Меньше внимания уделяется в литературе деятельности и достижениям книговедческих институтов. Правда, в некоторых странах их число невелико, или вообще отсутствуют, но для истории науки о книге несомненно важны также организации, в которых книговедческая проблематика находилась на полях основных исследовательских или образовательных задач. Имеется в виду также библиотеки, музеи, вузы, научные, профессиональные и просветительные общества и т. д. [19] Неоднократно новые находки приносят очень интересные, иногда неожиданные знания [25].

Большинство работ по истории книговедения посвящено детальным вопросам и аспектам науки о книге. Их совокупность постепенно образует карту становления дисциплины, но вся территория книговедческих знаний пока не представлена с желательной для науки точностью и в соответствующем масштабе. Отслеживание по странам состояния исследований по истории книговедения позволяет заметить, что богатейшие результаты достигнуты в Средней и Восточной Европе.

В мировой книговедческой литературе пока немного обобщающих трудов по

истории науки о книге, авторы которых поставили бы перед собой цель дать последовательное описание истории библиологии на определённом уровне (монографии, учебника, введения в проблематику дисциплины) и в соответствующем объёме, в данных пространственных границах и хронологических рамках. Многие полезные сведения о истории книговедческой мысли мы находим чаще в трудах историков библиографии и библиотековедения, что естественно, поскольку эти две области книжных знаний опередили автономное книговедение и сейчас представляем их не только как самостоятельные науки, но также как хронологически первые фазы становления общего книговедения. Такую трактовку вопроса впервые сформулировал Лев Быковский [Leon Bykowski] [13; 42], а богатейший фактографический материал находим, например, в русской литературе у Н.В. Здобнова [39; 40] и К.Р. Симона [54], в польской - у С. Вртеля-Верчиньского [28], в немецкой - у Р. Блюма [2].

Однако надо отметить, что имеется уже и некоторое количество работ, синтезирующих историю науки о книге во всем мире или в отдельных странах и в отдельные исторические периоды. Поскольку вклад библиографии в становление науки о книге довольно хорошо изучен [45], в такой же мере, как и вклад библиотечного дела (библиотековедения) [3; 26], заслуживает внимания изданная на польском и немецком языках монография Анны Жбиговской-Мигонь о значении европейской историографии книги в XVIII столетии в

процессе зарождения общего книговедения [29]. Подобной работы требует также вклад библиофильства и литературы по библиофилии в науку о книге.

А. А. Беловицкая совершенно правильно замечает: «Однако среди имеющихся разработок нет ни одной, которая бы предметом исследования имела историю общекниговедческого знания. [...] Подобное положение объясняется просто. Историю зарубежного общекниговедческого теоретического знания и невозможно написать, потому что работ, которые бы на методологическом, науковедческом уровне специально ставили и целостно рассматривали такие вопросы, как сущность книги, объект, предмет, структура, система, метод, мировоззренческие и познавательные принципы, понятийный аппарат обобщенного теоретического знания о книге, нет.» [31, 56.]

Справедливые, обоснованные аргументами замечания А. А. Беловицкой требуют всё-таки добавления: (1) за последние годы разные недоработанные раньше области знаний о книге и книговедении пополнились новыми работами на многих языках; (2) построены теоретико-методологические основы историографии книговедения и собран большой исторический материал; (3) по образцу истории и историографии других наук нельзя рассчитывать на исчерпывающее освещение всех деталей, касающихся теории книги и книговедения, и выявления всех исторических фактов, чтобы взяться за всеобщую историю книговедения; даже неполный и несовершен-

ный труд такого рода будет востребован в книговедческой литературе как начало, как руководство по истории дисциплины, как точка отправления для дальнейших работ. На мой взгляд, уже можно создавать историю мировой науки о книге, тем более, что это является срочной и неотложной задачей книговедов.

Отличным примером способа представления истории книговедения, хотя и в виде вузовского учебника, может быть как раз пособие А. А. Беловицкой *Книговедение. Общее книговедение*. Я имею в виду учёт автором фундаментальных понятий и категорий науки о книге в их историческом развитии, внимание к влиятельным концепциям важнейших учёных и к деятельности научных центров, применение соответственной периодизации, равновесие и пропорциональность отечественного (российского) и зарубежного материала. [31, 23–177]

В свою очередь Н. К. Леликова в замечательной монографии *Становление и развитие книговедческой и библиографической наук в России в XIX – первой трети XX века* (2004) показала, как можно написать историю отечественной науки о книге и не упустить из поля зрения общих, мировых закономерностей формирования книговедения [44]. В книговедческой литературе наблюдается постепенный рост исследований и публикаций, посвященных истории науки о книге в отдельных странах; расширяются знания о неизвестных до сих пор людях, фактах и процессах, которые значительно обогащают картину истории

дисциплины в мировом масштабе (имеются в виду работы польских, литовских, эстонских, латвийских, финских, белорусских, украинских, словацких, венгерских и болгарских книговедов) [см. например 7; 8; 10; 14; 20; 27; 29; 37; 41; 49].

В таких обстоятельствах у автора данной статьи возникла идея написать первый в польской литературе очерк истории науки о книге в мировом масштабе. Оказалось, что в изданной в научно-популярной серии «Книги о книгах» вроцлавского издательства Оссолинэум работе *Из истории науки о книге* [18] удалось собрать не только обширный фактографический материал, но также представить задачи и рамки исследований по истории книговедения, значение исторической перспективы для современных теоретико-книговедческих исследований, и таким образом – как написали российские рецензенты – побудить «к дальнейшему, более углубленному изучению этих проблем» [36, 229].

Со времени издания этой книги миновала треть столетия; живое развитие и современное состояние книговедческой мысли подтверждает необходимость описания и её новейшей истории (вместе с углублением прежней). Сегодня благоприятные условия для дальнейших разработок в области истории науки о книге создают научные конференции, целиком или частично посвященные этим вопросам (например: в Москве с 1971 г. проводятся всесоюзные, позже международные научные конференции по проблемам книговедения; о них написано:

«История книговедческих конференций; это, по сути дела, история развития российского книговедения последних десятилетий» [33, 5]; Федоровские чтения с многолетней традицией; ежегодные книговедческие конференции в Вильнюсском университете [1]; минские Берковские чтения (2011, 2013) и др.), многочисленные научные журналы и сборники; появилась также научная критика, касающаяся историографии науки о книге (к примеру, предисловие Е.Л. Немировского к моей *Науке о книге* [50], полемика Э.К. Беспаловой и Н.К. Леликовой по фундаментальным проблемам методологии историко-книговедческих исследований [32; 43], многие обзоры и рецензии [30; 41]).

* * *

На основе вышесказанного, сделаем несколько замечаний, касающихся основных назревших задач историографии книговедения. На наш взгляд, они находятся в первом ряду проблем, без решения которых история науки о книге будет неполной и не сможет выполнять функций, характерных для истории каждой научной дисциплины, как в её рамках, так и в общей истории гуманитарных наук.

Учитывая охарактеризованные в начале этой статьи параметры научных дисциплин, составляющие данную науку как определённую целостность, в истории науки о книге постоянно заслуживают особого внимания следующие факторы:

1. Состояние «книжного мира» как основы для зарождения теоретической книговедческой мысли и в

дальнейшем – становление самостоятельной гуманитарной науки.

2. Место книговедения среди других наук: филологических и исторических, общественных и коммуникационных; положение науки о книге в философских, библиографических и библиотечных системах классификации наук и письменности.
3. Соотношение книговедения и других «библионаук» – библиографоведения, библиотековедения, библиофиловедения, читателеведения, историографии книги, историографии искусства книги.
4. Меняющиеся в ходе развития книговедения взгляды на объект и предмет (и предметы) библиологических исследований. Иначе говоря: содержание науки о книге, границы книговедческого познания, компетенции книговеда. Противоречивые тенденции расширения и ограничения исследовательского поприща.
5. Внутренняя структура науки о книге в исторической перспективе.
6. Формирование понятийного аппарата данной науки и неразрывно связанной с ним терминологии.
7. Парадигмы и важнейшие (центральные) исследовательские категории науки о книге в исторической перспективе.
8. Научные школы в книговедении: местные, национальные и государ-

ственные, международные. Традиция – преемственность – новаторство.

9. Персоналии: деятели книговедения.
10. Организация и институционализация науки по странам и в мировом масштабе.
11. Источники книговедческого знания; методология и методы исследований.
12. Система книговедческой письменности: типы изданий – энциклопедии, словари, каталоги и библиографические указатели, другие справочные издания, а также учебные – учебники, пособия; научные – монографии, диссертации, сборники, журналы, тезисы и материалы конференций и др.; профессиональные издательства и специализированные книжные собрания.

Из фактографического материала и опыта некоторых обобщений видно, что возникла уже особая специальность книговедческих исследований – история книговедения. В ходе развития науки о книге как автономной, «университетской» науке, в постоянном её созревании появился новый, обоснованный и необходимый элемент, который логически дополняет всю структуру современной науки о книге (библиологии). Стало бесспорным, что без особого учёта исторического опыта дисциплины непонятны закономерности развития книговедческой мысли, невозможно проследить влияния, определить дальнейшие исследовательские перспективы, исчезают связи между поколениями учёных, рвётся традиция и появляются препятствия для её продолжения; ученики лишаются возможности перенятия опыта исследователей-предшественников, поэтому постоянно допускают одни и те же ошибки или «открывают Америку» заново.

ССЫЛКИ

1. BLIŪDŽIUVIENĖ, N. Tarptautinės knygotyros konferencijos mokslo komunikacijos požiūriu. *Knygotyra*, т. 59, 2012, p. 161–179.

2. BLUM, R. Bibliographia. Eine wort- und begriffsgeschichtliche Untersuchung. *Archiv für Geschichte des Buchwesens*, 9, Frankfurt a.M., 1969, p. 1017–1246.

3. BORNHÖFT, M. *Bibliothekswissenschaft in Deutschland. Eine Bestandsaufnahme*. Aachen: Verlag Mainz Wissenschaftsverlag, 1999. 189 p. ISBN 3-89653-532-3.

4. ESTIVALS, R. Petite anthologie francophone de la bibliologie. Paris: Société de Biblio-

logie et de Schématisation, 1993. 112 p. ISBN 2-904581-05-7.

5. ESTIVALS, R. (dir.). *Les sciences de l'écrit. L'encyclopédie internationale de bibliologie*. Paris: Retz, 1993. 576 p. ISBN 2-7256-1428-7.

6. ESTIVALS, R. (éd.) *Théorie, méthodologie et recherche en bibliologie*. 8e colloque international de bibliologie. 25-27 Septembre 1989. Paris: Bibliothèque Nationale, 1991. 235 p. ISBN 2-7177-1830-3.

7. KORCZYŃSKA-DERKACZ, M. *Państwowy Instytut Książki (1946-1949) i jego rola w rozwoju bibliologii, bibliotekarstwa i kultury książ-*

- ki w Polsce*. Wrocław: Wyd. Uniwersytetu Wrocławskiego, 2011. 352 p. ISBN 978-83-229-3182-0 (Acta Universitatis Wratislaviensis No 3297).
8. KOREDZUK, B. *Początki teorii bibliologii*: "Dictionnaire raisonné de bibliologie" (1802–1804) Gabriela Etienne'a Peignota: analiza i recepcja. Wrocław: Wyd. Uniwersytetu Wrocławskiego, 2005. 182 p. ISBN 83-229-2636-7.
9. KUBÓW, S. *Sylwetki polskich bibliologów*. Wrocław: Ossolineum, 1983. 236 p. ISBN 83-04-01172-7 (Książki o Książce).
10. MIGOŃ, K. Bibliografia pod presją ideologii: Augusta Mézières i jej „Słowny ukazatel po knigowiedieniju”. In *W kręgu książki, biblioteki i informacji naukowej*: Księga jubileuszowa dedykowana Profesorowi Zbigniewowi Żmigrodzkiemu. Katowice, 2004, p. 193–207.
11. MIGOŃ, K. Die Gestaltung der autonomen Buchwissenschaft in der Sowjetunion und in Polen. In *Das Buch in Praxis und Wissenschaft: 40 Jahre Deutsches Bucharchiv München: eine Festschrift*. Hrsg. P. Vodosek. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1989, p. 701–713. (Buchwissenschaftliche Beiträge aus dem Deutschen Bucharchiv München. 25).
12. MIGOŃ, K. Księgoznawstwo ukraińskie w dwudziestoleciu międzywojennym. *Studia o Książce*, 1970, vol. 1, p. 25–41.
13. MIGOŃ, K. Leon Bykowski (1895–1992) – ukraiński bibliolog i polski bibliotekarz. *Roczniki Biblioteczne*, 2003, vol. 47, p. 155–168.
14. MIGOŃ, K. O badaniach bibliologicznych w USA. *Rocznik Biblioteki Narodowej*, t. 15, 1979 (Warszawa, 1983), p. 349–363.
15. MIGOŃ, K. Rosyjska szkoła nauki o książce. In *Wspólnota pamięci*: Studia z dziejów kultury ziem wschodnich dawnej Rzeczypospolitej. Katowice: Biblioteka Śląska, 2006, p. 65–77.
16. MIGOŃ, K. Stefana Vrtela-Wierczyńskiego koncepcja bibliologii. *Roczniki Biblioteczne*, 1984, vol. 28, p. 3–13.
17. MIGOŃ, K. Terminologijos vaidmuo knygotyroje. *Knygotyra*, 1999, t. 35, p. 18–22.
18. MIGOŃ, K. *Z dziejów nauki o książce*. Wrocław: Zakł. Nar. im. Ossolińskich, 1979. 240 s. (Książki o Książce).
19. MIGOŃ, K. Zmienne role i losy towarzystw bibliologicznych. In *Bibliologia dyscyplina integrująca*: Studia ofiarowane Profesor Barbarze Bienkowskiej. Warszawa: Wyd. IHNŌIT, 1993, p. 311–319. (Z Badań nad Polskimi Księgozbiorami Historycznymi ; tom specjalny).
20. MIGOŃ, K. Особенности восточно-европейского книговедения и формирование национальных научных школ до второй мировой войны. *Knygotyra*, 2007, t. 48, p. 7–21.
21. MIGOŃ, K. Парадигмы науки о книге двести лет тому назад и сегодня. *Knygotyra*, 2010, t. 54, p. 44–53.
22. *Nowe specjalności w nauce współczesnej*: Materiały z posiedzeń Konwersatorium Naukowego Polskiej Akademii Nauk. Wrocław: Ossolineum, 1977. 296 p.
23. OTLET, P. *Traité de documentation. Le livre sur le livre. Théorie et pratique*. Bruxelles: Editiones Mundaneum Palais Mondial, 1934. 452 p. (Reprint: Préface de R. Estivals. Avant-propos de A. Canonne. Liège, 1989).
24. PEIGNOT, G. *Dictionnaire raisonné de bibliologie*. Paris, 1802–1804, t. 1–2, Suppl.
25. PUCHALSKI, J. Instytut Naukowego Badania Komunizmu w Warszawie (1930–1939): program, organizacja, zbiory, prace księgoznawcze. In *Bibliologia polityczna*. Praca zbiorowa pod red. D. Kuźminy. Warszawa: Wyd. SBP, 2011, p. 214–243.
26. RAUTENBERG, U. (Hrsg.) *Buchwissenschaft in Deutschland. Ein Handbuch*. Berlin;

New York: De Gruyter Saur, 2010. Bd. 1–2, XIV, 603-1109 s. ISBN 978-3-11-020036-2.

27. ШТОГРЫН, Dmytro M. The Rise and Fall of Book Studies in Ukraine. In CHOLDIN, Marianna Tax (ed.). *Books, libraries and information in Slavic and East European studies: Proceedings of the Second International Conference of Slavic librarians and information specialists*. New York, 1986, p. 1727.

28. VRTEL-WIERCZYŃSKI, S. *Teoria bibliografii w zarysie*. Wrocław: Ossolineum, 1951. X, 278 p.

29. ŻBIKOWSKA-MIGOŃ, A. *Historia książki w XVIII wieku: Początki bibliologii*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1989. 400 p. ISBN 83-01-09484-2

(dt. *Anfänge buchwissenschaftlicher Forschung in Europa. Dargestellt am Beispiel der Buchgeschichtsschreibung des 18. Jahrhunderts*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1994. VII, 417 p. ISBN 3-447-03596-X).

30. БАРЕНБАУМ, И. Е. Как не следует комментировать классику: К выходу нового издания «Истории русской книги в XIX веке» М.Н. Куфаева. *Книга*, 2004, сб. 82, с. 443–445.

31. БЕЛОВИЦКАЯ, А. А. *Книговедение. Общее книговедение*. Москва: МГУП, 2007. 393 с.

32. БЕСПАЛОВА, Э. К. Одна, две или три науки? *Книга*, 2007, сб. 86, 1, с. 50–66.

33. ВАСИЛЬЕВ, В.И.; ЛЕНСКИЙ, Б.В.; САМАРИН, А.Ю. Книга и мировая цивилизация: к началу работы Одиннадцатой Международной конференции по проблемам книговедения. In *Книга и мировая цивилизация: Материалы Одиннадцатой Международной научной конференции по проблемам книговедения*. Москва, 2004, т. 4, с. 5–11.

34. ГЕРАСИМАЎ, В. М. Кнігазнаўства. In

Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Мінск: БелЭн, 1997, т. 4, с. 213–214.

35. ГЕРАСИМАЎ, В. М. Кнігазнаўства. In *Беларуская энцыклапедыя: у 18 т.* Мінск: БелЭн, 1999, т. 8, с. 361–362.

36. ДНЕПРОВ, И.Е.; ПЕТРИЦКИЙ, В.А. Книговедческая трилогия. *Книга*, 1987, сб. 55, с. 229–232.

37. ДОВНАР, Л. Белорусское книговедение и национальное возрождение 1920-х годов. *Книгоутра*, 2007, т. 48, p. 53–66.

38. ЕРМОЛАЕВА, М.А. Становление книговедческой мысли в русской культуре XVIII в. In *Грани книжной культуры: сборник научных трудов к юбилею Научного центра исследований истории книжной культуры*. Ред. В.И. Васильев. Москва: Наука, 2007, с. 81–89.

39. ЗДОБНОВ, Н.В. *История русской библиографии до начала XX века*. 3 изд. Москва, 1955. 512 с.

40. ЗДОБНОВ, Н.В. *Синхронистические таблицы русской библиографии 1700–1928 со списком важнейших библиографических трудов*. Москва, 1962.

41. КОВАЛЬЧУК, Г. Розвиток теорії книгознавства на сучасному етапі. *Бібліотечний вісник*, 2009, по 5, с. 44–53.

42. ЛЕЛИКОВА, Н. К. «Мой Бог – украинская книга независимо от направлений и партий...». (К 100-летию со дня рождения Льва Быковского). *Историко-библиографические исследования*. Вып. 6. Санкт-Петербург, 1996, с. 148–174.

43. ЛЕЛИКОВА, Н.К. Наука о книге в России, или К вопросу о методологии исторических исследований. *Книга*, 2007, сб. 86, 1, с. 67–103.

44. ЛЕЛИКОВА, Н.К. *Становление и развитие книговедческой и библиографической*

наук в России в XIX–первой трети XX века. Санкт-Петербург: РНБ, 2004. 415 с. ISBN 5-8192-0190-6

45. МИГОНЬ, К. Библиографическая родословная наука о книге и современная библиология: последствия и перспективы. In *Труды Международного библиографического конгресса (Санкт-Петербург 21–23 сентября 2010 г.)*, Санкт-Петербург, 2012, Ч. I, с. 30–38.

46. МИГОНЬ, К. *История книговедения как наука (Замечания по материалам польских исследований)*. In *Федоровские чтения 2011*. Отв. ред. В. И. Васильев. Москва: Наука, 2012, с. 215–227.

47. МИГОНЬ, К. *Наука о книге: очерк проблематики*. Москва: Книга, 1991. 197, [3] с.

48. МИГАНЬ, К. Книжная культура – проблема акрэслення паняцца як навуковай катэгорыі. In *Беларуская кніга ў кантэксьце сусветнай кніжнай культуры: гісторыя і сучаснасьць: зборнік навуковых прац*. Мінск: Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў, 2011, [вып. 3], с. 17–39.

49. МИГАНЬ К. Стан сучаснага кнігазнаўства як навукі. In *Беларуская кніга ў кантэксьце сусветнай кніжнай культуры : зборнік навуковых артыкулаў*. Мінск: Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў, 2008, вып. 2, с. 10–38.

50. НЕМИРОВСКИЙ, Е. А. Труд Кшиштофа Мигоня и его место в литературе по общей теории книговедения. In МИГОНЬ, К. *Наука о книге*. Москва, 1991, с. 3–24.

51. Обсуждение назревших проблем советского книговедения. *Книга*, 1965, т. 11, с. 270–290.

52. РАЧКОВ, П. А. *Науковедение проблемы, структура, элементы*. Москва: Издат. Московского у-та, 1974.

53. СИКОРСКИЙ, Н. М., БАРЕНБАУМ, И. Е., БАРСУК, А. И. Книговедение. In *Большая Сов. Энци*, 3. изд. Москва, 1973, т. 12, с. 337–339.

54. СИМОН, К. Р. *История иностранной библиографии*. Москва: Издат. Всесоюзной кн. палаты, 1963. 736 с.

55. ФОМИН, А. Г. *Книговедение как наука: История и современное состояние*. Ленинград, 1931. 113 с.

56. ФОМИН, А. Г. *Избранное*. Москва: Книга, 1975. 197, [3] с.

57. ШАМУРИН, Е. И. Книговедение, теория и история библиографии в советской литературе 1917–1958. In МАСАНОВ, Ю.И. *Теория и практика библиографии: Указатель литературы 1917–1958*. Москва, 1960, с. 3–36.

ABOUT THE NEED AND BENEFITS OF THE RESEARCH OF BOOK SCIENCE HISTORY: AN ATTEMPT OF ANALYSIS FROM THE PERSPECTIVE OF THE SCIENCE OF SCIENCE

KRZYSZTOF MIGOŃ

Abstract

Among historical sciences, the history of science is nowadays of particular importance. In parallel to the general history of science, considered autonomous or as part of the science of science, studies on the history of individual scientific dis-

ciplines are fast developing. Their significance is not limited to the pure knowledge. In fact, understanding the evolution of a given discipline is an indispensable component in contemporary research and relevant to practical applications.

The book science history has become a separate specialty within bibliological research since the mid-20th century. In the following years, various approaches to the subject matter and means of presentation of historical data have gradually developed. In the voluminous multilingual literature one can see the domination of case studies, these being mostly biographic ('bibliology classics'), institutional, and topical. In contrast, there is a relative paucity of synthetic studies aimed at generalizations at national (countrywide) and global levels.

This paper offers a review of the most important research problems related to the history of bibliology, with a particular emphasis on Central and Eastern European countries. It includes

the proposal of a model construction and content of a future synthetic treatise 'The history of world bibliology'. Such a monumental work should address the following issues: the state-of-the-art of the 'book world' as the basis of the development of bibliological thought, the position of bibliology among other sciences, approaches and views about the subject and scope of book science, cognitive competences of book science, its notional instrumentation and terminology, central research categories, schools in bibliology, relationships among scientists, institutions and organization of science, sources of bibliological knowledge and research methods, the system and typology of book science literature.

APIE KNYGOTYROS ISTORIJOS TYRIMŲ POREIKĮ IR NAUDĄ: MOKSLOTYRINĖS ANALIZĖS BANDYMAS

KRZYSZTOF MIGOŃ

Santrauka

Šiandien mokslo istorija yra vienas iš svarbesnių istorijos mokslų. Greta bendrosios mokslo istorijos, atskirų mokslo sričių istorijų ar istorijos, kaip mokslotyros dalies, intensyviai plėtojamose atskirų mokslinių disciplinų istorijos studijos. Jos turi ne vien pažintinę reikšmę – žinios apie tam tikros disciplinos raidą yra būtina sudedamoji šiuolaikinės tyrimų bazės dalis bei praktinio panaudojimo elementas.

Knygotyros istorija atskira bibliologinių tyrimų sritimi tapo nuo XX amžiaus vidurio, kai ilgainiui išsigrininio įvairūs tyrimų būdai ir istorinės faktografijos pateiktis. Gausioje daugialkalbėje šios rūšies literatūroje vyrauja įvairiopi tyrimai: biografiniai (bibliologijos klasikais), instituciniai ir probleminiai. Sintetinių veikalų, kurie būtų svarbūs tautiniu (valstybiniu) ir pasauliniu mastu, yra palyginti mažai.

Šiame straipsnyje apžvelgiamos svarbiausios bibliologijos istorijos lauko tyrinėjimų problemos, telkiant dėmesį į Vidurio ir Rytų Europos šalis. Pateikiamas knygotyros modelio („ideališios“, siekiamos konstrukcijos) siūlymas ir būsimos sintetinio darbo „Pasaulinės bibliologijos istorija“ turinys. Jame turėtų būti nagrinėjamos šios problemos: knygų pasaulio situacija kaip knygotyros minties raidos pagrindas, bibliologijos vieta tarp kitų mokslų, požiūriai į knygotyros objektą ir tyrimų sritį, mokslo apie knygą pažintinės kompetencijos, sąvokos ir terminija, pagrindinės tyrimų kategorijos, bibliologijos mokslo mokyklos, mokslininkai, institucijos ir mokslo organizavimas, bibliologinių žinių šaltiniai ir tyrimų metodai, knygotyros literatūros sistema ir tipologija.

Įteikta 2013 m. vasario mėn.